

ЭТЕЛЬ ЛИЛИАН

ВОЙНИЧ

ЭТЕЛЬ ЛИЛИАН

ВОЙНИЧ

Сними обувь твою

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
В65

Серия «Зарубежная классика»

Ethel Lilian Voynich

PUT OFF THY SHOES

Перевод с английского *И. Гуровой, Р. Облонской*

Серийное оформление *А. Кудрявцева*

Компьютерный дизайн *Р. Алеева*

Войнич, Этель Лилиан.

В65 Сними обувь твою : [роман] / Этель Лилиан Войнич. — Москва : Издательство АСТ, 2023. — 544 с. — (Зарубежная классика).

ISBN 978-5-17-157332-4

«Сними обувь твою» — последний роман Этель Лилиан Войнич из ее легендарного цикла об Оводе. На сей раз главной героиней выступает его прабабка — гордая, независимая, романтичная красавица, неспособная смириться с судьбой «проданной» жены и смело вступающая в борьбу за свое женское счастье.

Беатриса Телфорд — идеальная жена, мать и хозяйка дома, воплощение всех добродетелей английской леди. Но в душе ее скрываются боль, отчаяние, злость и презрение к мужчинам, с подлостью которых ей приходится сталкиваться снова и снова... Беатриса не опускает головы, и на помощь ей приходят простые люди — честные, отважные и способные на верную дружбу и искреннюю преданность...

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-157332-4

© Перевод. И. Гурова, наследники, 2023
© Перевод. Р. Облонская, наследники, 2023
© ООО «Издательство АСТ», 2023

*...Итуриэль своим копьем
Легко коснулся, ибо никакая ложь
Не сохранит свой облик перед ним,
Но против воли станет правдой вновь.*

*Посвящается Анне М. Нилл
в благодарность за критические заме-
чания и ту бесценную помощь, которую
она оказывала мне в течение многих
лет, на протяжении которых эти де-
тища моего ума были ее неподатливы-
ми, строптивыми воспитанниками.*

Предисловие

Хотя «Сними обувь твою» и представляет собой вполне законченный роман, на самом деле он должен был бы открывать семейную хронику, охватывающую историю четырех поколений. Но серия этих романов — спутник всей моей жизни — рождалась не в хронологическом порядке.

«Овод», действие которого происходит в Италии во время политических и идеологических конфликтов, приведших к революции 1848 года, был написан в 1897 году, когда я еще почти ничего не знала о предках его главного героя, наполовину итальянца. «Прерванная дружба» (1910 год) рассказывает об одном эпизоде из жизни того же героя. В 1911 году я оставила литературу и стала писать музыку. И два промежуточных романа — о юноше и девушке, детство и отрочество которых описаны в этой книге, и о их дочери, которая уехала в Италию и стала матерью Овода, — так никогда и не появились. О судьбе этих людей говорится в послесловии к роману «Сними обувь твою».

И вот после двух попыток показать духовную и эмоциональную жизнь вымышленного человека, после двадцати лет, отданных музыке, я в конце концов снова взялась за перо, чтобы проследить некоторые черты этого никогда не существовавшего характера в его предках. Этот обратный ход мысли удивляет меня больше, чем кого-либо. Если бы меня спросили, почему я решила на склоне лет заняться давно умершими английскими предками итальянского бунтаря, которые были для него в лучшем случае лишь ничего не значащими именами из далекого неведомого прошлого, моим единственным ответом было бы, что я не могла иначе и знаю об этом не больше, чем о других сторонах процесса появления на свет детей человеческого воображения. Я знаю только, что на протяжении всей моей долгой жизни эти и другие бесплотные создания моего духа, некоторые в человеческом образе, другие в форме музыкальных звуков, приходили и уходили, не спрашивая моего разрешения, и мне оставалось лишь одно — по мере своих сил поспевать за ними.

Многие читатели во многих странах интересовались, почему Овод при тех или иных обстоятельствах думал, чувствовал и поступал именно так, а не иначе. Теперь, оглядываясь назад, я понимаю, что некоторые противоречия, которые удивляли или — совершенно справедливо — раздражали их, были просто моими ошибками — промахами и неточностями незрелого мышления, ошибочного видения или недостаточного умения молодого автора, едва справлявшегося со слишком трудной первой книгой. Однако многие из них и сейчас кажутся мне неотъемлемыми от духовного склада этого человека — такого, каким он мне представлялся. Частичное объяснение этих противоречий, которое можно найти в позднем и да-

леко не полном описании его наследственности с материнской стороны, откладывалось так долго, что большинство из тех, для кого оно предназначалось, либо умерли, либо давно забыли о своих недоумениях. Тем, кто еще жив и еще не утратил интереса к этому, я хотела бы сказать, что в настоящей книге я постаралась — хотя и с большим опозданием — ответить на некоторые из их вопросов.

Я должна просить читателя извинить мою заведомо несовершенную попытку передать исчезающий диалект Корнуэлла. Воспоминания далеких дней моей юности, воспоминания о путешествиях пешком по дикому побережью Корнуэлла, о разговорах — в кухнях с земляными полами или среди плетенок для ловли омаров — с бедняками, которые были стары, когда я была молода, слишком туманны, чтобы на них можно было положиться. Много лет спустя я провела три зимы в Сент-Айвсе, но к этому времени старинный диалект помнили только старики, обитавшие в уединенных хижинах среди вересковых равнин. Филологи, к трудам которых я обращалась, не всегда придерживались единого мнения о том, как лучше передать мягкие, певучие, редуцированные гласные корнуэлльского наречия, или в том, насколько далеко распространились по каменным грядам некоторые девонские речевые формы. Весьма возможно, что кое в чем я ошиблась, но избежать этого риска было нельзя. Без их характерной речи мои рыбаки не принадлежали бы Корнуэллу, который я любила.

Э. Л. В.

Нью-Йорк, ноябрь 1944 г.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава I

В начале лета 1763 года Генри Телфорд, молодой сквайр Бартона в Уорикшире, стоял вечером в своей лондонской квартире перед зеркалом, поправляя жабо своей лучшей рубашки. Он совершал туалет очень тщательно, но без всякой охоты.

На этот раз он предпочел бы остаться дома и лечь спать пораньше, так как светские разговоры уже успели ему надоесть, а кроме того, он не привык засиживаться далеко за полночь, но старая леди Мерием упомянула в своем письме, что среди ее приглашенных будет некая благородная девица, с которой она очень хотела бы его познакомиться. Он понимал, что ему следует поехать на этот бал хотя бы в знак благодарности за ее хлопоты, несмотря на то, что он был убежден в их бесполезности.

Если она и не сумела подыскать ему жену, то уж никак не по своей вине. Столько же по доброте душевной и из любви ко всяческому сватовству, сколько из-за просьбы сестры она приложила много стараний, чтобы помочь ему; но до сих пор ни одна из юных барышень, с которыми она его знакомила, не показа-

лась ему подходящей для роли хозяйки Бартона. У большинства из них манеры были так же прелестны, как и платья, а некоторые были прелестны и сами. Красивые женщины нравились ему не меньше, чем всякому другому, — так же, как ему нравились вьющиеся розы на стенах Бартона; однако выбор матери для его сыновей — вопрос серьезный, даже более серьезный, чем выбор быка для его коров, и этот вопрос нельзя решать легкомысленно, основываясь только на том, что ему понравилось хорошенькое личико. Избалованные лондонские барышни слишком изнеженны, чтобы рожать и вскармливать здоровых детей, и слишком пусты, чтобы разумно воспитывать их в страхе божьем.

Сам он, даже не говоря о Бартоне, мог предложить многое. В зеркале отражался очень представительный молодой человек, правда чуть-чуть провинциальный и полнокровный, но зато великолепно сложенный, здоровый и телом и духом, широкоплечий, крепкий и достаточно высокий для того, чтобы выглядеть внушительно верхом на лошади. Его волосы, золотисто-рыжие, цвета спелой пшеницы, круто вились над лбом, как у античного борца; широко расставленные простодушные серые глаза позволяли забыть о тяжелой нижней челюсти. К шестидесяти годам ему, вероятно, предстояло благодаря неумеренности и старому портвейну приобрести апоплексическую внешность и бешеный нрав, столь обычные среди богатых сквайров центральной Англии. Можно было ожидать, что уже в сорок лет он начнет полнеть, если не будет следить за собой. Но до этого было еще далеко, ему было двадцать шесть, и его здоровая англосаксонская красота была в самом расцвете.

Хотя ему не удалось достигнуть той цели, ради которой он, собственно, приехал в Лондон, он все-

таки не жалел о том, что доставил себе это удовольствие. Несомненно, оно стоило ему дорого — так дорого, что второй подобной поездки он не сможет себе позволить, ибо Бартон, конечно, превосходное поместье, но все же не золотое дно. Однако, если даже ему придется уехать домой ни с чем и за неимением лучшего жениться на дочери приходского священника, он будет знать, что хоть раз повеселился, как следует мужчине, прежде чем остепениться и возложить на себя высокие обязанности отца семейства. Никогда больше он не будет красивым молодым холостяком со свободными деньгами в кармане.

Он положенное время, искренне горя, носил траур по любимому отцу, составил завещание и убедился в том, что все справедливые претензии удовлетворены и что поместье в полном порядке. Затем он воспользовался случаем и в течение девяти недель приобщался к веселой жизни столицы. Будучи благовоспитанным молодым человеком, он приобщался к ней большей частью в домах и под покровительством почтенных великосветских дам, но дважды — нет, трижды, — не забывая, однако, о своем здоровье и репутации, знакомился с ней и в других местах. Теперь развлечения уже начали ему приедаться, и он затосковал по Бартону и коровам.

А все-таки жаль... Он хорошо знал, какая жена ему нужна, и знал также, что ему вряд ли удастся ее когда-нибудь найти, если его поездка в Лондон окажется бесплодной. В Уорикшире, даже если он и встретит такую девушку, он все равно не сможет добиться ее руки.

Рекомендательными письмами в Лондон местная знать снабдила его с большой охотой. Лично против него никто ничего не имел, и его вельможные соседи были очень любезны с нравственным и состоятель-

ным юношей, который щедро жертвовал в предвыборные фонды и на достойные благотворительные учреждения, хорошо ездил верхом, хорошо стрелял и когда-то учился вместе с их сыновьями, — но не настолько любезны, чтобы отдать за него одну из своих дочерей. Ему тактично намекнули, что в Лондоне, где никто не помнит его отца, он скорее успеет в своем намерении.

В глубине души он давно уже злился на доброжелательную снисходительность местных лордов и сквайров. С тех пор как он начал думать об этом, он всегда чувствовал, что он, сын *ragueni**, имеет больше права на землю, теснее связан с ней, чем любой Мерием или Монктон. Правда, его отец принадлежал к «вульгарным нуворишам», к наглым чужакам, присутствие которых в графстве терпели только по необходимости. Но правда и то, что как человек — да и как хозяин — он был лучше любого из этих надменных сквайров, которые презрительно его сторонились. Разумеется, он скверно ездил верхом, боялся собственного ружья и был легкой мишенью для насмешек. Но тем не менее у всех его арендаторов было вдоволь чистой питьевой воды, и крыши у них не текли, чего нельзя было сказать о многих других поместьях. И кроме того, он любил в Бартоне каждый прутик, каждый камешек.

Однако у человека, кроме отца, есть еще и мать; а мать Генри носила фамилию Бартон. Впрочем, и с этой стороны его кровь не была голубой — предки его матери снимали шляпу перед герцогом. Но они владели своей землей гораздо дольше, чем герцогская семья своей; они так долго работали, жили и умирали на этой земле, что в конце концов она завладела ими.

---

* Выскочка (*фр.*).

Она завладела и Генри. Этого нельзя объяснить, это можно либо понять, либо не понять. Жизнь фермы, ее звуки, ее запахи — сваленного в кучу навоза и скошенного сена, лошадиного пота, вспаханной земли и пенящегося в ведрах парного молока — стали частью Генри, вошли в его плоть и кровь. Бартон был смыслом и — чего он не знал — причиной его существования.

Богатство Телфордов было нажито торговлей, и далеко не всегда почтенной. Даже отец Генри в молодости был ливерпульским работорговцем, хотя и не по своей воле. Его семья издавна занималась торговлей с Вест-Индией, и другого ремесла он не знал. Когда он был еще подростком, отец, зверскими побоями и грубыми насмешками давно уже сломивший его волю, сделал его своим агентом в деле. Когда он был юношей, они от торговли товарами постепенно перешли к торговле людьми, и он — сам безвольный раб — покорно выполнял свои обязанности. Освобожденный наконец неоплаканной смертью старого тирана от ненавистной работы, которой он с отвращением занимался в течение двадцати лет, робкий пожилой холостяк навсегда оставил Ливерпуль и все, что было с ним связано. Потом он отправился покупать за свои деньги право на вход в волшебный мир, о котором грезил все тяжкие и постыдные годы своей растоптанной юности. В этом мире субботнего покоя, резвящихся ягнят и выращивания роз изысканность должна была идти рука об руку с добротой, светскость с великодушием.

Одно за другим ему предлагали «подходящие имена», от которых он печально отказывался. Наконец, проезжая через глухой уголок западного Уорикшира, он увидел воплощение своей мечты: старинный дом из красного кирпича — длинный и

низкий, фруктовый сад, рощицу с фиалками и амбар времен первых Стюартов. Сквозь зелень сада виднелась квадратная серая колокольня нормандской деревенской церкви; перед усадьбой сочные луга спускались к извилистой речке. Едва увидев ферму Бартонов, он уже не мог думать ни о чем другом. Он робко навел справки.

Нет, усадьба пока еще не продается, но, как ни печально, всем известно, что этого не избежать. Семья Бартон всегда пользовалась большим уважением в здешних местах, хотя род их и не был, что называется, благородным. Ну, пошли всякие несчастья... А теперь все они поумирали, кроме одной барышни, которая и думать не хочет о том, чтобы расстаться с фермой, хотя и не может справиться с хозяйством. Бедняжка морит себя голодом, но все-таки у нее не хватает денег, чтобы выплачивать проценты по закладным. Уж лучше бы она согласилась продать усадьбу, пока есть возможность, все равно кредиторы скоро продадут ее за долги. Они сделают это хоть сейчас, если предложить им подходящую цену. Очень неплохое местечко для джентльмена, у которого найдутся деньжонки, чтобы нанять лесничего для охраны своих фазанов.

Намек не пропал даром. Но когда он увидел нежное лицо мисс Бартон, услышал ее тихий голос, почувствовал исходивший от нее запах лаванды, — щепетильная совесть бывшего работоторговца восстала против того, чтобы лишить ее последнего достояния. Ей было лет тридцать, в ней уже проглядывала увядающая старая дева, но тем не менее, несмотря на раннюю седину на висках, она была трогательно привлекательна. Он не мог выгнать бедняжку из дома, где она родилась, где умерли все ее близкие. Дело кончилось тем, что он женился на ней. А она — она